

Вчитываться в перечисление чьих-то должностей, званий — занятие скучное, но в данном случае прошу внимания. Анатолий Ильич Ракитов — доктор философских наук, профессор, президент Всесоюзной ассоциации новых хозяйственных форм и социальных инициатив, генеральный директор Института информатизации общества и развития науки, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР, главный редактор научно-информационной серии «Методологические проблемы науки и техники». Каждый год у него выходит по книге — примерно в шестьдесят печатных листов. Не правда ли, завидная продуктивность! Стоит уточнить: Анатолий Ильич не видит и не слышит, и уже очень много лет из-за неизлечимой болезни Бехтерева живет с непрекращающейся болью. То есть, как он сам о себе говорит, он — универсальный инвалид. И уж кому, как не ему, судить о положении у нас в стране инвалидов.

— Инвалиды живут у нас плохо, как и все, хотя, пожалуй, еще хуже. И даже не столько потому, что они низкооплачиваемы, а главным образом оттого, что в нашем обществе воспитали к больным людям антипатию. В англоязычных странах употребляется термин «disabled», то есть человек с ограниченными возможностями. У нас же принято определение «инвалид», что дословно — обесцененный. При чем обесценивание ведется по группам: инвалиды третьей группы, обязанные работать, хотя и с ограниченными возможностями; второй группы, которые могут не работать; первой — полностью нетрудоспособные. Но всегда, во всех случаях инвалиды отделены от общества, оторгнуты от него. У нас есть школы для слепых — забота вроде бы, но на самом деле это резервации, тогда как в развитых цивилизованных странах глухие, слепые, больные дети учатся вместе со здоровыми. Идет взаимная приспособляемость, и здоровые, вырастая, привыкают чувствовать в больных равных себе, но только более достойных внимания из-за их физических недостатков. То есть с детства здоровые приучаются больным помогать и считать это нормальным, естествен-

ным. Таково первое фундаментальное отличие: инвалид не выключен из общества, напротив...

— В 1983 году ООН объявил десятилетие инвалидов. Единственная из развитых стран, которая никак, ну скажем, в государственном масштабе, не прореагировала на этот призыв, — Советский Союз. Это что — случайность?

— Это следствие устоявшегося, сложившегося отношения. Ведь инвалид в нашем обществе — не что иное как обуза. От них всегда старались отгородиться. Как правило, инвалидов не обеспечивают ни лучшим жильем, никакими другими льготами. Правда, существует градация: инвалиды войны как бы первый сорт, инвалиды труда — второй, инвалиды детства — третий. Отношение же к ним ко всем определяется не тем, что они больны, что им тяжело, а исходя исключительно из полезности их системы. А как человек, как личность никто из них никакой ценности, выходит, не имеет. Система, впрочем, так же относится и к здоровым людям. Но больным все это еще непереносимее.

Многие скрывают свои болезни, чтобы не стать париями, что неизбежно в общест-

РАЗОБЩЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ ЛЕГЧЕ УПРАВЛЯТЬ

ве, воспитанном на неприязни к слабым, немощным. Только совсем недавно положение вроде бы начало меняться, но именно вроде бы... В феврале было принято постановление Совета Министров СССР об освобождении инвалидов организаций от налогов, и тем не менее на деле мало что сдвинулось. По-прежнему масса препятствий, формальностей, и чтобы какой-нибудь крошечный инвалидный кооператив, практически не дающий прибыли, был от налогов освобожден, надо каждый раз идти упрашивать.

— Несмотря на имеющееся постановление!

— Всегда находятся лазейки. В данном случае тоже. Никто, казалось бы, конкретно не возражает, но причина в общественном равнодушии к слабым, воспитываемом десятилетиями. Равнодушие превратилось в антипатию, что было отнюдь не случайно: а разобщенным обществом легче управлять.

— Ну а благотворительные фонды, которые у нас возникли, они по своей психологии, мышлению отличаются от государственных ведомств? Милосердие, во имя которого они созданы, им самим присуще?

— Многие из этих фондов возникли на определенной волне. И сейчас, например, немало организаций, объявивших себя спонсорами, но их деятельность никак, ни в чем на существовании инвалидов не отражается. Помогать инвалидам нынче считается модным, и те, кто делает вид, что про-

являет заботу, хотя лишь заработав себе политический рейтинг. Вот, скажем, есть Всесоюзная ассоциация социальной реабилитации инвалидов, между прочим, освобожденная от налогов. Но чем она занимается, никому неизвестно.

— А как, вы считаете, должна быть поставлена работа в организациях, занимающихся благотворительной деятельностью?

— Думаю, что даже если к инвалидам будут относиться гораздо внимательнее, но и только — это ни к чему хорошему не приведет. Скорее, разовьет в инвалидах иждивенчество. Представляете, когда человек постоянно кричит: я страдаю — дайте мне! Что родит, на мой взгляд, таких больных с некоторыми нашими депутатами, так это «инвалидное мышление». Когда я изучаю ныне парламентские дебаты, знаете, какое слово встречается чаще всего? «Дайте!» А вот самим дать, сделать что-то, с этим сложнее... Так вот, мы предложили — и нас поддержал Российский фонд милосердия и здоровья — создать инвалидам такие условия, чтобы они сами могли на себя заработать и более того, помочь другим. Но производственная их деятельность должна быть не тоскливой, не монотонной. И чтобы трудиться они на небольших предприятиях, где будет легче создать для них психологический климат, нормальное взаимодействие со здоровыми людьми. Мы вот организовали цех, где инвалиды работают над ювелирными украшениями, а есть центр под За-

горском, где они делают потрясающие игрушки — солдатиков, целые панорамы войны 1812 года. Больные вместе со здоровыми создали электро-тренажеры, которые у нас закупила некая-нибудь лавочка, а Военно-медицинская академия. Или, например, для многодетных матерей, которые приравнены по статусу к инвалидам, открыт пошивочный цех, правда, в крохотном помещении, тесном, душном. Найти производственные площадки сейчас огромная проблема. Ведь все, и новые городские власти, к сожалению, в первую очередь озабочены одним: как заработать валюту. И мы, инвалиды, снова никому не нужны, коли от нас долларов не получили.

— Кто-нибудь конкретно и действительно делом сейчас вас поддерживает?

— Мы нашли понимание в Российском фонде милосердия и здоровья. Там, наконец, оценили совсем простую, но очень важную мысль, что милосердие заключается не в том, чтобы бросить корочку, которую съедят, а в том, чтобы создать условия для людей, избавляющие их от постоянного ужаса за свой завтрашний день.

— А почему, скажите, на Западе к инвалидам совсем иное отношение?

— Там богатое общество.

— И что, богатый человек мягче, добрее бедного!

— Не в этом дело. Просто богатые общества поняли простую истину: быть гуманным — выгодно. В таком обществе живут более здоровые люди, в

нем легче наладить нормальную жизнь. Там меньше эксцессов. И старики, и инвалиды там в основном обеспечены — значит, меньше поводов для социальных конфликтов. Кроме того, действует еще один феномен — религия. Религия сама по себе не добра и не зла, но с религией связаны благотворительная деятельность, воспитание нравственных устоев. Мы же очень бедны. А бедность озлобляет. Избавиться от нее можно только одним путем — созданием разных форм собственности: частной, акционерной, корпоративной, и тогда рынок насытится товарами, экономика оздоровится. Никакие декреты, призывы, постановления не возымеют никакого действия, что уже ясно должно быть за семьдесят с лишним лет. Вот и сейчас, если кто и предлагает средства на наши проекты, связанные с инвалидной деятельностью, так это кооперативы, банки, действующие в новых формах хозяйствования, но вовсе не государственные предприятия, как бы они ни были богаты.

— А из каких соображений кооперативы вам помогают? Откуда у них иное мышление, иная психология? Ведь они только-только возникли, и вчера еще жили, действовали как все...

— В кооперативы, если не брать шашлычные, пошла самая мобильная часть населения. Я приведу вам цифры: к концу 1988 года оборот от деятельности кооперативов был семь миллиардов. К середине 89-го года он вырос до тринадцати миллиардов, а к середи-

не 90-го — это уже тридцать миллиардов. А почему? Потому что там работают активные люди, образованные, мыслящие. Они понимают, что в этой разоренной стране могут возникнуть чудовищные эксцессы. Вот они и стараются везде, где это им удастся, ведь все-таки сил у них пока недостаточно — помочь людям, чтобы хоть как-то снять социальное напряжение. Поэтому еще так важно сейчас найти новые формы милосердия, я бы сказал, деятельного. Чтобы люди не делились на тех, кому подают милостыню, и тех, которые ею откупаются. Деятельное милосердие заключается в том, чтобы помочь несчастным, больным перестать чувствовать себя в обществе обузой. Инвалиду не так важно бывает получить, скажем, тридцать рублей, как знать, что он их получил на законном основании, что он им хозяин, что это не подачка.

— На Западе действует закон, обязывающий каждое предприятие предоставлять шесть процентов мест инвалидам. Иначе оно платит штраф. А у нас такой закон есть?

— Есть. Но его никто и никогда не выполнял. Могу сказать, что, например, в США ни одна фирма не может получить правительственный заказ, если не производит хотя бы что-то для инвалидов. И, заметьте, во всех цивилизованных странах повсюду есть специальные съезды для колясок — в кинотеатрах, гостиницах, телефонных будках. Действительно, все делается, чтобы инвалиды не чувствовали себя отторгнутыми.

И, может быть, самое существенное: в западном обществе, если инвалид хочет трудиться, ему никто не может это запретить. Если он справляется, его берут. То есть опять же инвалид равен в своих правах со всеми, волен сам решать, сам делать выбор. А вот, скажем, у меня — я работаю в системе Академии наук — требуют справку каждые три года, чтобы проверить, не появилась ли на обороте запись о моей трудоспособности...

Анатолий Ильич Ракитов считает, что оскорбительно поднимать на щит свои несчастья, поэтому совсем коротко: он начал слепнуть еще в детстве; во время эвакуации, Интернат, куда он попал после ареста родителей в 1937 году, разместили в бывшей конюшне. Ходил в местную библиотеку и читал там при свечке допоздна, потом возвращался в страшную стужу, практически ошупью. Но инвалидность получил уже только... после окончания университета, который закончил по трем факультетам...

Ведь, правда, мы все сейчас хотим, чтобы наша жизнь изменилась. Хотим жить в цивилизованном, процветающем обществе. Богатым и здоровым быть в самом деле лучше, чем бедным и больным. Но стоит помнить, что злоба нередко оказывается не только следствием нищеты, но и ее причиной. И, как сказал Анатолий Ильич Ракитов, разобщенным обществом легче управлять.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА.

Советская культура
г. Москва

28

22 СЕН 1990